

Глава 1

— А-а-а! — раздался в маленьком дворике истошный вопль, похожий на визг зарезаемой свиньи.

Один из мальчишек, извернувшись, мертвой хваткой вцепился зубами в тыльную сторону ладони державшей его толстухи. Кровь брызнула мгновенно. Воспользовавшись тем, что женщина от боли ослабила хватку, ребенок рванулся прочь, не забыв крикнуть на бегу:

— Брат, беги! Быстрее!

— Проклятые выродки! — взвыла жэнья-поцзы. — Кусаться вздумали?! Чего застыли, истуканы? Ловите их! Ловите немедленно!

От боли её заплывшее жиром лицо перекопилось в уродливой гримасе. Притопывая ногой, она приказала своим людям схватить беглецов.

Эта тучная женщина была известной в округе торговкой людьми. Сегодня она приехала в деревню Дахуайцунь, прослышав, что здесь продают двоих детей, чтобы посмотреть на качество «товара». Серебро уже перекопчало в руки старой госпожи У, и перекупщица никак не ожидала, что эти дикари окажутся такими строптивыми. Погоди, вот поймает она их, тогда и посмотрим, как они запоют!

— Слушаюсь, хозяйка, — отозвался один из слуг. Его лицо было в ссадинах и кровоподтеках — совсем недавно он уже успел пострадать от рук этих сорванцов, некрасиво растянувшись на земле.

Заметив, что семья Чжао лишь безучастно наблюдает за суматохой, жэнья-поцзы метнула гневный взгляд на старую госпожу У.

— Ну и что вы встали? Вы этих щенков сегодня продавать думаете или как?

— Продаем, конечно, продаем! — та расплылась в подобострастной улыбке. — Раз деньги взяты, пути назад нет.

Старая госпожа У обернулась и с силой толкнула стоящего рядом второго сына, Чжао Чанфу.

— Иди помоги им! Свяжи этих негодников!

— Матушка, может... не надо? — пробормотал мужчина. В его голосе слышалось робкое сомнение.

— Что значит «не надо»? — старуха закатила глаза. — Ты этих дармоедов своим зерном кормить собираешься? Живо иди и помоги!

Для старой госпожи У вернуть полученное серебро было страшнее смерти. Денег нет, есть только жизнь — возвращать плату она не собиралась ни при каких обстоятельствах.

Чжао Чанфу заколебался. Он и своих-то детей едва мог прокормить, откуда взяться еде для двоих племянников? Сдавшись, он двинулся на помощь слугам.

Тем временем братья успели заскочить в дровяник. Они с грохотом захлопнули дверь и навалились на тяжелый засов, пытаясь отгородиться от наступающих взрослых.

— Открывайте! Открывайте немедленно! — донеслось снаружи. — Вам не сбежать! Если я до вас доберусь, шкуру спущу!

Снаружи слышались тяжелые удары, кто-то требовал впустить их.

— Брат, что нам делать? Мне страшно... — младший вцепился в руку старшего, заходясь в рыданиях.

— Не бойся, я здесь. Я не дам им тебя забрать, — голос старшего тоже дрожал от ужаса, но он крепко сжал ладонь брата, стараясь его утешить.

Близнецы упирались своими худыми телами в доски, но дверь под натиском взрослых продолжала содрогаться.

В глубине дровяника на грубой деревянной лежанке покоился истощенный человек. Его глаза были плотно закрыты, он казался лишенным чувств, не осознавая происходящего вокруг.

«А-му, А-му, проснись! Плохие люди хотят нас забрать...»

«А-му, мне страшно... Пожалуйста, проснись...»

Сквозь пелену забвения Цзи Юань уловил детский плач, и его брови дрогнули. Долгое время он находился в полном небытии, его душа бесцельно блуждала в пустоте, не находя опоры.

Прошло немало времени, прежде чем до него стали доноситься шум ссоры и рыдания детей. Сперва звуки казались неясными, словно они были бесконечно далеко, но постепенно они крепили, становясь всё ближе, пока не превратились в отчаянный зов прямо над ухом.

Он потянулся к этому плачу, и вдруг ощутил, как его потянула за собой мягкая детская ладошка. Душа словно провалилась в иное пространство, возвращаясь в тело и обретая опору. Реальность ворвалась в сознание, а звуки стали отчетливыми.

«Проснись... Скорее проснись...»

Цзи Юаню казалось, что голос в самой глубине его естества молит его очнуться. И в этом зове чувствовалась невыносимая тревога.

«Проснись... Скорее...»

Грохот!

— Попались, голубчики! Ха-ха!

Дверь содрогнулась от мощного пинка и распахнулась. Старшего брата, подпиравшего засов, отбросило на пол. Не успел мальчик подняться, как его грубо схватили за шиворот. Второго ребенка, застывшего от ужаса, тоже сцапали чьи-то руки.

— Живее! Свяжите их веревкой! — кричала жэнья-поцзы. — Посмотрим, куда вы теперь побежите! Кусаться вздумали? Ну, ничего, вернусь — и задам я вам трепку!

— Негодяи! Вы все — злые люди!

— Пустите меня!

Взрослые потащили близнецов прочь. Даже в руках обидчиков дети не сдавались: они брыкались, пытались высвободиться. Старший из последних сил старался защитить младшего.

— Не смейте продавать моего брата! Негодяи! Вы все плохие!

— Не забирайте брата!

— А-му, приди и спаси нас!

Мальчики отчаянно пытались схватиться за руки, их крики были полны истеричного ужаса.

Эти двое были близнецами. С самого рождения они знали лишь своего А-му, отца рядом никогда не было. С малых лет они терпели издевательства и пренебрежение. В собственной семье их не любили: бабка и тетки ежедневно осыпали их проклятиями, старшие кузены постоянно обижали, а деревенские дети дразнили выродками и швыряли в них камни.

Выросшие в такой среде, братья отличались стойким характером — они всегда сражались и получали побои вместе. Но какой бы сильной ни была их воля, они оставались лишь маленькими истощенными детьми. Против силы взрослых они были бессильны. Их волокли по земле, пока кто-то затягивал грубые путы на руках и ногах.

Хотя прямо во дворе стояли их родственники, никто не шевельнул и пальцем, чтобы помочь. В глазах близнецов, смотрящих на свою семью, теперь не осталось ничего, кроме ненависти и отчаяния.

<http://bllate.org/book/15315/1354419>